

«токмо дьявол печален бяше в любви сей», и он-то и «влезе в сердце» первым клеветником), однако он стремится показать и вину князей, жестокость их слуг, страдания Василька. Художественно выразительные элементы в его рассказе имеют целью углубить впечатление от преступления, заставить задуматься над тем, что обвинение не было доказано, — этому помешал Давыд, что князья совершили самосуд вопреки решению снema. Практическая, реальная задача повествования определила наличие в нем реалистических изобразительных средств, вполне отвечающих реалистической оценке преступления. В свете этой оценки ссылка в начале рассказа на козни «сотоны» представляется как бы обязательным элементом церковной историософии, которая не устраняет стремления найти истинных виновников преступления и предупредить о грозных его последствиях.

Не случайно именно это, одно из многих феодальных преступлений оказалось в летописи описанным с такой художественной убедительностью. В княжение Владимира Мономаха, когда делались попытки ослабить напряженность междукняжеских отношений, ввести их в законные нормы, подобный рассказ о нарушении этих норм выполнял важную практическую — публицистическую задачу.

Другой пример, когда в изложение, построенное по методу «идеального преобразования жизни», врывается рассказ, обнаруживающий реалистические тенденции автора, представляет в летописи XII в. некролог-биография Андрея Боголюбского. Составитель киевского летописного свода 1200 г. (сохранившегося в Ипатьевской летописи под 1175 г.) построил этот некролог-биографию на основе двух совершенно различных по своему замыслу и литературному воплощению источников: в некролог Лаврентьевской летописи, сложенный в стиле житийно-панегирическом и дающий идеальный образ князя-мученика, подобного князьям Борису и Глебу, прославляемого именно за свой мученический подвиг, — киевлянин смело включил описание убийства Андрея, сделанное, видимо, на основе рассказа Кузьмища киянина, очевидца хотя и не самого убийства, но развернувшихся сразу после него событий.¹⁹ Это описание, в полном противоречии с его житийным обрамлением, дает подлинный образ князя-самовласта, страстно до конца борющегося за жизнь. Сводчика-летописца не смутило это противоречие, он и не пытался его сгладить, сохранив в полной неприкосновенности яркое, реалистическое описание того, что произошло в княжеской ложнице, куда ворвались заговорщики. Кузьмище — горячий сторонник внутренней политики князя Андрея — сделал все, чтобы в его рассказе эти заговорщики (из числа изменивших князю его дружинников и местной знати) явились в самом неприглядном свете, а их жертва — Андрей — предстал сильным, мужественным самовластцем. Осудить одних, устыдить других и превознести своего князя — такова задача рассказчика. Однако к осуществлению ее он идет иным путем, чем его предшественник (чей житийный панегирик сохранился в Лаврентьевской летописи). Чем объясняется именно такое противопоставление действующих лиц? Не только тем, что Кузьмище — огорченный смертью доброго хозяина верный слуга, а его отношением к двум борющимся политическим сторонам. У врагов он выделяет худшее — неблагодарность, трусость и жестокость, у князя — силу, неустранимость, правоту. Если бы то же событие описывал один из заговорщиков, можно быть уверенным, что выбор деталей рассказа и их освещение было бы иным. Но для задачи,

¹⁹ В Лаврентьевской летописи после житийного панегирика под особым заглавием помещено очень краткое изложение этого рассказа.